

женской, Сигридь Ундсетъ достигаетъ въ ясности своей невыносимой остроты.

Въ 1928 году Сигридь Ундсетъ получила Нобелевскую премію. Норвежское изданіе дорогихъ и объемистыхъ томовъ «Кристинъ Лорансъ» разошлось въ количествѣ ста двадцати тысячъ экземпляровъ. За нимъ послѣдовали переводы на шведскій, финскій, датскій, англійскій (включая и американское изданіе), и нѣмецкій языки. Затѣмъ написана была въ періодъ отъ 1925 по 1930 г. тетралогія «Олафъ Одунсонъ изъ Хестивикена» («Топоръ» — 1928; «Змѣя жалить» — 1929; «Смятеніе» — 1929; «Сынъ мститель» — 1930).

Въ «Кристинъ Лоренсъ» данъ образъ сильной женщины, связанной съ нестойнымъ мужчиной. Въ исторіи брака Олафа Одунсонъ и Айнгоннъ — отрицательныя черты характеризуютъ женщину. Есть нѣкоторое сходство и во внѣшнихъ атрибутахъ обоихъ романовъ, но семейная хроника прошлаго, въ которую Сигридь Ундсетъ вводитъ читателя, кровно привязываетъ его и не даетъ отъ себя оторваться.

Сигридь Ундсетъ не чужды мистическія устремленія (уже въ зрѣломъ возрастѣ она приняла католичество). Ея романы по справедливости могутъ быть названы прославленіемъ темной силы католической церкви въ норвежскомъ средневѣковьи. Для насъ въ этой мрачной славѣ видна лишь трагедія придавленной вѣрой личности.

Вотъ краткія біографическія свѣдѣнія о Сигридь Ундсетъ. Она родилась въ 1882 году въ Каллундборгѣ, въ Даніи, и ребенкомъ была перевезена въ Осло. Въ серіи разсказовъ, напечатанныхъ въ норвежской газетѣ «Афтенпостенъ» она разсказываетъ о своемъ дѣтствѣ между пыльной археологіей и пыльной

улицей. Въ одиннадцатъ лѣтъ Сигридь Ундсетъ осиротѣла и за дѣтствомъ послѣдовали юность и молодость, изъѣденная работой. Окончивъ 16-ти лѣтъ «Христіанскую Коммерческую школу», Сигридь Ундсетъ десять лѣтъ жизни отдала секретарству въ одной и той же конторѣ. По вечерамъ и по праздникамъ тайно писала. Только въ 1907 году, адвокатъ у котораго она служила, увидѣвъ на ея рабочемъ столѣ книгу «Фру Марта Уліе», узналъ, что авторомъ ея является его секретарша.

Но первыя вещи Сигридь Ундсетъ, написанныя на современныя темы, не имѣли успѣха. Литературная удача ея связана съ опубликованіемъ въ 1911 г. романа «Женни», въ которомъ дано реалистическое описаніе жизни средняго класса въ Осло. Славой современники подарили Сигридь Ундсетъ съ тѣхъ поръ, какъ она ушла отъ нихъ въ прошлое.

На берегу синяго норвежскаго озера въ Лиллехаммеръ у Сигридь Ундсетъ есть домъ, которому тысяча лѣтъ и который она реставрировала. Единственная вещь нашихъ дней въ немъ — пианино. Сигридь Ундсетъ носитъ одѣяніе времени викинговъ и окружена собранными ею великолѣпными старинными коллекціями и утварью. Неподалеку отъ ея дома находятся развалины того самаго знаменитаго Хаммерскаго собора, который она такъ возвеличиваетъ въ своихъ романахъ.

Екатерина Бакунина.

Henri Bergson.

Les deux sources de la morale et de la religion. Alcan. Paris. 1932.

Часто говорятъ: наше время, ритмъ нашего времени... что - то смутное еще,

---

плохо улавливаемое, но уже не только разрушительное, не только отголоски исторических катастрофъ, а нѣчто совершенно новое и мѣняющее самое лицо человѣка. Тѣ, кто слышатъ эту внутреннюю, приглушенную музыку любятъ называть имена Бергсона и Эйнштейна, какъ наиболѣе характерныхъ ее воплощеній. Правда, не совсѣмъ ясно почему; думается, что причиной этому является дѣйствительно имѣющееся, небывшее еще, ощущеніе в р е м е н и и п р о с т р а н с т в а . Это ощущеніе связано съ затмѣніемъ христіанства; Паскаль писалъ, что Богъ недоступенъ человѣку иначе, какъ черезъ Посредника, — и вотъ у человѣка нѣтъ больше этого Посредника, онъ совершенно одинъ въ огромномъ Космосѣ, который, вслѣдствіе небывалаго расцвѣта математики, какъ-то странно «приблизился», такъ - что и звѣзды уже не тѣ самыя, которыя свѣтили Шиллеру.

Помнится мнѣ, что по пріѣздѣ во Францію первое, что я услышалъ о Бергсонѣ (отъ одного лица лично его хорошо знающаго) было: Но вѣдь онъ - же д о к а з а л ъ бессмертіе души! Я былъ тогда очень еще молодъ и меня это настолько поразило — то, что бессмертіе души наконецъ д о к а з а н о ; — что еще до ознакомленія съ его книгами я долгое время чувствовалъ нѣчто вродѣ преклоненія, обожанія почти, передъ такимъ человѣкомъ. Потомъ я началъ знакомиться съ его писаніями: удивленіе увеличилось; когда я прочелъ *Matière et Mémoire* я испыталъ чувство человѣка, обращеннаго въ новую религію. Какъ извѣстно Бергсонъ нашелъ способъ разрѣшать метафизическія проблемы научно - экспериментальнымъ путемъ: метафизика — касательная, совпадающая въ одной точкѣ съ кривой

эмпирической дѣйствительности и вопросы метафизики нужно рѣшать именно въ этой точкѣ, такъ — проблему бессмертія души на почвѣ экспериментальной психологии. Извѣстно съ какой геніальностью Бергсонъ опровергнулъ всѣ тѣ псевдонаучныя теоріи, — выросшія на почвѣ англійскаго эмпиризма, отъ Юма до Спенсера — утверждавшія «параллелизмъ», адекватность душевной жизни дѣятельности мозга, всѣ тѣ грубыя представленія о томъ, что «мозгъ вырабатываетъ мысль, какъ печень желчь», которыя до сихъ поръ считаются въ Совѣтской Россіи послѣднимъ словомъ западно - европейской научной мысли. Утвердивъ автономію духа, бытіе «психической субстанции» и то, что сознание нисколько не является продуктомъ матеріи, Бергсонъ утвердилъ тѣмъ самымъ, что «бессмертіе вѣроятно», что хотя этого и нельзя «доказать», но бываютъ случаи, чему естественныя науки служить примѣромъ, когда практически вѣроятность эквивалентна достовѣрности.

Но бессмертіе не все. Человѣкъ не только хочетъ жить, онъ хочетъ жить счастливо и достойно, и тутъ встаетъ цѣлый рядъ вопросовъ, мимо которыхъ нельзя пройти: лично - ли бессмертіе, что такое зло, есть - ли Богъ? Въ *Matière et Mémoire* являющейся звеномъ между первыми книгами Бергсона и только - что вышедшей, на эти вопросы отвѣта нѣтъ. Правда, читатель воленъ дѣлать всяческіе выводы, но и самъ авторъ писалъ по этому поводу въ свое время Геффдингу:

« Ce qui concerne le problème de Dieu... ce problème je ne l'ai réellement pas abordé dans mes travaux ; je le crois inséparable des problèmes moraux, dans l'étude desquels je suis absorbé depuis plusieurs années, et les quelques lignes de l'évolution créatrice auxquelles

vous faites allusion n'ont été mises que comme pierre d'attente. »

**

Понятенъ, слѣдовательно, тотъ огромный интересъ, который вызвала книга старѣющаго уже человѣка, который всю жизнь «думалъ», послѣдняя книга, можетъ - быть, прямо посвященная этимъ основнымъ и самымъ для человѣка важнымъ вопросамъ. Мы, конечно, не станемъ передавать ея содержанія въ этой замѣткѣ, скажемъ всего — лишь двѣ вещи:

Къ «Двумъ Источникамъ морали и религiи» можно подходить тоже двояко и книга совершенно мѣняетъ окраску въ зависимости отъ того, читаетъ - ли ее атеистъ или вѣрующій человѣкъ, особенно христiанинъ. Съ первой, чисто философской точки зрѣнiя, о ней можно сказать то - же, что и о всемъ остальномъ творчествѣ Бергсона: Въ своей борьбѣ противъ Канта и интеллектуалистовъ Бергсонъ самъ не смогъ — и это понятно! — избавиться отъ порока, въ которомъ онъ ихъ обвинилъ, отъ того, что они «выражали самое существо жизни», не непосредственно, а посредствомъ аналогiи, метафоры, символа. Конечно - же телеологи пользовались метафорой, когда говорили о «планѣ въ природѣ», цѣлесообразности и т. д., но вѣдь и Бергсонъ говоря о порывѣ, импульсѣ, объ *élan vital* тоже метафору употребилъ — и не могъ иначе! — съ тою лишь разницей, что метафора перваго рода найдена въ освѣщенной, логической, — второго рода, бергсоновская, — въ неосвѣщенной, эстетической сферѣ сознанiя, т. е. въ подсознательномъ. Разница метода та же, что между наукой и искусствомъ и

это дало возможность сказать о философи Бергсона, что она относится ко всякой другой философи, какъ «воскресный день къ будничному», какъ поэзия къ прозѣ, — однимъ словомъ, что Бергсонъ прежде всего поэтъ и, что онъ убѣждаетъ такъ, какъ убѣждаетъ искусство: обращаясь къ интуици. Глубоко, часто гениально, но читая, чувствуешь все время, какъ - бы дѣйствiе какого - то гипноза.

Съ точки зрѣнiя ума догматическаго, книга является опаснѣйшимъ, антихристiанскимъ ядомъ — и, конечно, не своей близостью къ Шеллингу и нѣмецкому пантеизму. Это ядъ очень характерный для сознанiя сегодняшней — хочется сказать: завтрашней, въ отличiе отъ вчерашней, Нишеанской — Европы. Не говоря уже о вѣрѣ въ осуществленiе Царства Божiя на землѣ (для чего и Христосъ былъ созданъ Жизнью), Бергсонъ, въ самомъ концѣ, въ дѣйствительно трагической главѣ о «мистикѣ и механикѣ», восклицаетъ: можно - ли говорить людямъ о любви, не накормивъ предварительно всѣхъ голодныхъ? Можетъ - ли человѣкъ тянуться къ небу, пока могущественная техника не помогла ему овладѣть землей, природой, миромъ? Любовь хочетъ счастья и свободы для всѣхъ, это она двинула мысль на путь механическаго строительства: механика таинственнѣе, чѣмъ принято думать! И механика не хотѣла того бездушiя и зла, которыя ее сопровождаютъ. Механическое тѣло человѣка опередило въ своемъ ростѣ его живую душу, но душа вырастетъ вслѣдъ за тѣломъ и это будетъ новый европейскiй мистицизмъ.

Достаточно вспомнить, что христiанская традиция считаетъ Каина первымъ строителемъ машинъ и не вѣрнiтъ въ

благополучное окончание истории. Достаточно вспомнить аналогию между «черными ангелами» и титанами древности и сопоставить это с заключительными словами книги Бергсона:

«L'univers est une machine à fabriquer des dieux».

Л. Кельберинъ.

Жюльенъ Бенда и молодежь его вѣка

Объ авторѣ «Предательство клерковъ» поговорили и поспорили въ литературныхъ салонахъ, и издатель отмѣтилъ въ счетоводной книгѣ лишній успѣхъ на книжномъ рынкѣ, а затѣмъ Бенда ушелъ снова куда то на второй планъ, на страницы умныхъ газетъ и толстыхъ журналовъ, въ мѣръ счетовъ и пререканій литераторовъ, который отдѣленъ отъ настоящей жизни непроницаемой стѣной.

А между тѣмъ, Бенда писатель, который долженъ былъ стать идеологомъ, борецъ, который могъ сдѣлаться предводителемъ, представитель довоеннаго поколѣнія, у котораго были всѣ данныя для того, чтобы зажечь современную молодежь.

И все же приказчикъ книжнаго магазина уже отослалъ на складъ залежавшіеся экземпляры «Предательство клерковъ», и ни одинъ литературный кружокъ молодежи не дѣлаетъ эту книгу предметомъ своего обсуждения. Какая то еле слышная чуждая нотка помѣшала молодежи пойти за Бенда. Тонкій критикъ, глубокой эрудитъ, блестящій литераторъ не нашелъ дороги къ сердцу человѣка.

По безчисленнымъ путямъ проносятся

синіе и красные поѣзда: и въ каждомъ синемъ — сыщики, шпионы и агитаторы, и въ каждомъ красномъ — танки, баллоны съ газами и прокламаціи. По безчисленнымъ улицамъ торопятся люди на биржу, на сходку, въ штабъ, на политическое собраніе. И на Востокѣ ухажуютъ пушки, и на Западѣ люди просятъ хлѣба. Мѣромъ править борьба.

И кому то стукнуло двадцать или двадцать пять лѣтъ, и кто то въ первый разъ влюбился, и кто то мечтаетъ при звѣздахъ и пишетъ стихи.

Для такихъ людей написалъ свою книгу Бенда, никогда не боравшійся съ жизнью и презирающій всѣми силами своего гнѣвнаго сердца ея грязные мелкіе будни. Жюльенъ Бенда написалъ о величайшемъ предательствѣ, какое видѣлъ до сихъ поръ миръ, о предательствѣ «клерковъ» 20-го вѣка, которые забыли свое назначеніе на землѣ. Философы и священники, писатели и поэты забыли, что ихъ миссія думать и писать о Вѣчномъ, что они должны проходить черезъ жизнь, вскрывая ея раны, и твердить одержимымъ людямъ о милосердіи и о нѣжности, о состраданіи, о Богѣ, о любви.

Клерки XX-го вѣка вышли изъ кабинета, увѣшеннаго портьерами, на улицу, привѣсили себѣ ярлыкъ, стали за флагомъ и отдали свой талантъ на служеніе переходящей, однобокой идеѣ, какъ ломовой извозчикъ или мельникъ отдають ей хриплый голосъ и кулаки. Горькій и Драйзеры, Барбюе и Додэ, оставили Вѣчное для современнаго, проникновенное созерцаніе для борьбы, милосердную улыбку пониманія для гримасы ненависти и злобы. Клерки XX-го вѣка позорно и подло предали свое званіе.

Такова основная мысль Бенда, и потому онъ безконечно близокъ всѣмъ